

968741

10/11/18

10/11/18

268743

6/11/18

XXX 7/36

изъ книгъ
В. Т. ДАХНОВСКАГО.

123

11.11.11

123

О
С В Я З И

НѢКОТОРЫХЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЙ
ВЪ ЯЗЫКѢ.

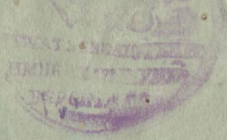
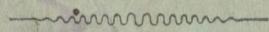
~~380~~

СТАТЬЯ

А. ПОТЕБНИ.

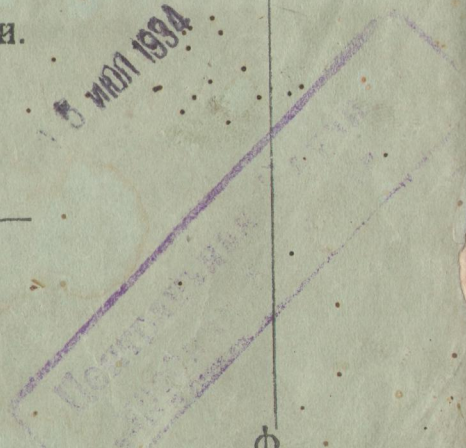
18 март 1934

1899
1628

ВОРОНЕЖЪ.
1864.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. ГОЛЫШТЕЙНА.

59

~~380~~

~~II + II~~
~~123~~

О

СВЯЗИ НѢКОТОРЫХЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЙ (*)

ВЪ ЯЗЫКѢ.

(по поводу слѣдующей пѣсни:

Зечена явірничка,
Чомъ ти мала невеличечка?
Чи ти росту не великого?
Чи коріння не глибокого?
Чи ти листу не широгого?
— Я й росту високого,
Я й коріння глибокого,
Я й листу широкого.

Молодая Марусечко,
Чомъ ти мала невеличечка?
Чи ти роду не великого?
Чи ти батька не багатого?
Чи ти матки не розумної?
— Я й роду великого,
Я й батька багатого,
Я й матки розумної

(Мета. 156—7).

Эта пѣсня—величанье неvěсты. Чтобъ найти случай по-
казать родъ, отца и мать неvěсты, у нея спрашиваютъ: отъ
чего она стала ростомъ: отъ того-ли, что она не «великого роду»,
т. е. что у нея въ роду нѣтъ рослыхъ? отъ того-ли, что «я
отецъ не богатъ и мать не умна? Предполагается, что богат-
ство отца и умъ матери нужны для того, чтобы вскормить и
выростить дочь.

Мы обратимъ вниманіе на сближенія росту дерева и роду,
корня и отца, широкого листа и ума матери, находяція
соотвѣтствіе въ языкѣ).

(*) Представленіемъ называется тотъ признакъ, посредствомъ коего
слово выражаетъ содержаніе мысли. Такъ напр. все мыслимое при Скр.
имени родоначальника людей *Ману* обозначено въ этомъ словѣ однимъ при-
знакомъ, — способностью мысли; *Ману* есть мыслящій (иер. — ман-тотъ самый —

I. Родъ и ростъ и т. п.

Чи ти *росту* не великого?...

Чи ти *роду* не великого?...

Слово *родъ*, въ смыслѣ совокупности родичей, предполагая значеніе произращенія (дѣятельности, Великор. обл.) и плода (результата). Въ Серб. оно есть между прочимъ синонимъ слова *плодъ*. И само по себѣ, независимо отъ явственнаго сближенія съ ростомъ дерева, оно заключаетъ въ себѣ сравненіе рода, какъ явленія человѣческой жизни,

что и въ слав. *мнѣти*, память). Въ Скр. названіяхъ человѣка: *ману-джа* (рожденный отъ Ману, потомокъ Ману—слав. *мужъ*) *мануи а* (суфф. *сја* обозначаетъ зависимость), *манава* (отчественное отъ Ману—Русск. на *ичъ, овичъ*), а равно и въ Нѣм. *Mensch*, признаки чловѣка (арійскаго племени), сколько бы ихъ ни было, обозначены однимъ, именно происхожденіемъ отъ мнѣическаго родоначальника Ману. Такимъ образомъ языкъ установилъ связь трехъ представленій: *мысли*, *Ману* и *чловѣка* вообще. Быть можетъ, вліяніе перваго изъ этихъ представленій слѣдуетъ видѣть въ томъ, что Великор. глаголъ произведенный отъ *мужъ*, именно *мужевать*, значить обдумывать, соображать, разсуждать:

И *мужевало* тутъ старой (Илья М.) разговаривалъ:

«Куда мнѣ ише старому да съ золотой казной»—(Пам. и обр. 353)

Вѣроятно впрочемъ и то, что такое значеніе слова *мужевать* родилось безъ вліянія корня *ман*, что слово это значить собств. быть мужемъ, дѣлать то, что прилично взрослому т. е. разсуждать. Соответственно этому Вр. *старовать* (собст. быть старымъ) зн. бесѣдовать, говорить.

Какъ бы то ни было, изъ этихъ примѣровъ видно, а) что собственное значеніе слова не есть полное содержаніе мысли, связанной со словомъ, а только одинъ признакъ, символически обозначающій эту мысль, что слово есть *представленіе* мысли; б) что измѣненіе значеній одного и того же слова и образованіе отъ извѣстнаго слова новыхъ словъ устанавливаетъ прежде всего связь представленій, а потомъ—всего того, что мыслится подъ представленіями. Въ этомъ установленіи связи обнаруживается вліяніе языка на мысль. Принятое въ языкъ сочетаніе представленій становится исходною точкою для мысли всѣхъ говорящихъ этимъ языкомъ. Однимъ словомъ *Манава* дана исторія происхожденія племени. Поколенія, слѣдующія за создателями этого слова, могутъ расширить и углубить взглядъ, выраженный этимъ словомъ (напр. приписать происхожденіе отъ *Ману* и не-Арію), могутъ и устранить этотъ взглядъ новымъ, но миновать его не могутъ, пока, произнося, понимаютъ смыслъ слова *Манава*. Подобнымъ образомъ слова *мужевать*, *старовать* даютъ не только связь представленій *мужъ*, *старъ* съ дѣятельностью мысли, но до извѣстной степени опредѣляютъ и самое содержаніе ими обозначаемое. Съ точки зрѣнія этихъ словъ такъ должно быть, чтобъ старый разсуждалъ; эта точка зрѣнія ведетъ къ противоположенію старости и скудости мысли.

Извѣстное сочетаніе представленій, принятое въ языкъ въ словѣ одного корня, до нѣскольку разъ повторяется въ словахъ другихъ корней;

съ произрастеніемъ дерева и вообще растенія. Скр. глаголь ардн, ближайшій по формѣ къ слову *родъ* (и *ростъ*, гдѣ с изъ д) имѣть въ Скр. только переносныя значенія удачи, благополучія и т. п.; по гл. вардн (врдн), отъ котораго произошелъ первый посредствомъ опущенія начального в, сохранилъ не только производныя значенія (цвѣсти, быть счастливымъ), но и первообразное «рости».

«Великій родъ» могъ бы быть сравненъ съ ростомъ древеснымъ не только въ томъ мелкомъ значеніи, которое мы видѣли въ приведенной пѣснѣ («рослые родичи»), но и въ другомъ: *великій родъ* — хороший, старинный, древность коего ручается за достоинства его членовъ (*).

послѣдующія образованія подчиняются аналогіи съ предшествующими. Такъ напр. въ нѣсколькихъ словахъ различнаго происхожденія замѣтъ одинъ и тотъ же переходъ отъ быстраго движенія къ хитрости и уму. Повтореніе одинаковаго способа сочетаній образуетъ привычку мысли. Поэзія и мифологія развиваютъ сочетанія представлений, какія находятъ въ языкѣ. Въ текстѣ представленъ примѣръ параллелизма рядовъ представлений въ языкѣ съ одной стороны и въ постоянныхъ пѣсенныхъ выраженіяхъ съ другой. Въ отдѣльных случаяхъ нѣ всегда ясно, развито ли сравненіе родилось изъ одного слова, или наоборотъ, слово создано подъ вліяніемъ развитаго поэтическаго образа. Но причинная связь между тѣмъ и другимъ въ періодъ безличнаго творчества не подлежитъ сомнѣнію; вѣрно также, что слово, какъ простѣйшая форма поэтическаго сравненія, первоначально предшествуетъ этому послѣднему.

Извѣстный способъ сочетанія представлений не есть общеобязательная форма человеческой мысли. Языки различны по направленію рядовъ представлений. — Стиль народнаго ума, на сколько онъ зависитъ отъ языка, можетъ быть открытъ только путемъ мелочныхъ этимологическихъ изслѣдованій, которые дадутъ матеріалъ для общихъ выводовъ. Покажемъ для характеристики языковъ законами перехода представлений сдѣлано весьма мало.

(*) Если человѣка хотятъ почитать, то называютъ его *вичемъ*, по отчеству. По имени — *называютъ*, по отчеству *величаютъ*: «какъ вась называть по имени и возвеличить по изотчнѣ» (Общ. Слов. Олон.);

Тебѣ пѣсню поемъ, тебѣ честь воздаемъ,

Что по имени тебя *называемъ*,

По изотчеству *величаемъ* (Гул. Оч. ю. с.).

Въ Мр. пѣсняхъ неопредѣленное почетное названіе почтеннаго молодого человѣка или дѣвicy есть *отецъкий сынъ*, *батькова дочка*:

«перевозила царѣвъ та панѣвъ,

Та отецъкихъ синѣвъ (Метл. 333);

по смыслу колыдки, величающей дѣвицу, честь быть батьковою дочкою не уступаетъ чести быть царевною:

.... До церкви пѣйшла, якъ зоря зійшла,

У церковь вѣйшла та й завіяла.

На основаніи пѣкоторыхъ словъ можно думать, что наблюденіе надъ измѣненіями человѣка отъ времени сдѣлано было не непосредственно надъ человѣкомъ. Сначала замѣчены были и обозначены словомъ измѣненія дерева, растенія, и эти измѣненія послужили образомъ и объясненіемъ возраста человѣческаго. На безсловесный вопросъ, что такое возрастъ, возмужалость, старость и т. п. человѣкъ отвѣтилъ себѣ: это то же, что фазы роста дерева; онъ отвѣтилъ такъ, назвавши старость человѣка и т. п. словами, обозначающими прежде только явленія растительной жизни. Такъ связаны были въ мысли два различныя явленія. Это одинъ изъ множества примѣровъ того, какъ языкъ, во времена скуднаго развитія, одинъ, свойственными себѣ средствами, ведетъ мысль по тому же пути обобщенія и отвлеченія, по которому потомъ идетъ наука. Указать извѣстную степень тождества развитія человѣка и растенія, можетъ быть, для своего времени также важно, какъ для нашего — научно доказать сходство двухъ новидимому несходныхъ явленій.

Слѣдуютъ подтвержденія сказаннаго.

Признакъ взрослога дерева тотъ, что оно стоитъ перпендикулярно (Вр. обл. *стало, стало*. т. е. стой-
мя), прямо, прочно, что оно высоко. Отсюда строевой, высокій лѣсъ называется *стоячимъ*: «выше лѣсу стоячаго.» Связь дерева и отвѣснаго направленія видна въ

Тамъ пани стояли та її питали:

«Чи ти парівна, чи королівна?»

— Я не парівна, не королівна,

Батькова дочка, славная панна (ѣ. 331).

«Отецкій сынъ» — вообще хорошій человѣкъ: «якъ лучитця отецкий сынъ, отдасть мене мати». Подобный обр. и въ Вр. наоборотъ «снотецкій сынъ» — не столько ругательство въ роцѣ серб. *курый*, *копиле* и подобныхъ русскихъ, сколько невѣжа, человѣкъ безъ воспитанія:

Ты невѣжа, ты невѣжа, не отецкій сынъ,

Для чего ты невѣжа, эдакъ дѣлаешь? (Пам. и обр. 52).

На глубоководнемъ убѣжденіи, что хорошія свойства передаются по наслѣдству, сохраняющемъ силу въ извѣстныхъ слояхъ и до нашихъ дней (Ср. *Попки* Черном. Коз. о выборѣ въ пластуны), основанъ и почетный смыслъ Серб. названій человѣка хорошаго *павза*: *кудиль* (изъ хорошей *кущи*, хаты), *оджакови* (отъ хорошаго очага), *коленоси*, *племил* (хорошаго козляка, племени).

серб. *дубити*, стајати управо, стоять прямо (отъ *дуба* въ смыслѣ дерева вообще), *дупке*=Пск. *въ дыбки*, на заднихъ ногахъ, прямо, *дыбомъ*, на *дыбахъ*. Связь отвѣсности, высоты и дерева находимъ въ словахъ: Мр. *стро-митъ* (и др. Слав.) торчать, Вр. обл. *стромко*, высоко, литер. *стрем-главъ*, сторчъ головою, *стремнина*=Серб. *стрмо*, крутизна, Чеш. *strom*, дерево (какъ стоящее отвѣсно). *Стоячій* (высокій) лѣсъ служить образомъ человѣческой старости въ Нѣм. *alt* (по Боппу, отъ к. *ardh*, рости, откуда и Лат. *altus*, высокий), которое не только само по себѣ указываетъ на сравненіе старости съ высокимъ (выросшимъ, рослымъ) деревомъ, но и явственно сравнивается съ *wald*: оборотень (Вр. *обмльнъ*, *обмльнышъ*) говоритъ о себѣ: *sich bin so alt, wie der Westerwald*» (Gr. Myth. 437 и др.) Такое или подобное сближеніе старости и (стоячаго) дерева видимъ и въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ:

а) Съ Скр. *стѣавира*, старый (кор. *стѣа*, стоять), ср. Скр. происходящія оттуда же *стѣавара*, стоящій, неподвижный, *стѣира*, то-же, *стѣула* (отъ видоизмѣненнаго корня *стѣа*), большой, толстый, грубый. Съ послѣднимъ ср. Слав. *ствола* дерева, растенія, доказывающее присутствіе въ Слав. яз. такого же видоизмѣненія гл. *стѣа* въ *стѣу*, какъ и въ Скр. Сближая Серб. *дебло*, стволъ древесный, съ *дебео*, дебелий, толстый, жирный, увеличимъ вѣроятность того, что въ словѣ *ствола* можетъ быть то-же значеніе толстоты, прочности, производное отъ значенія «стоять» (прочно), какое есть въ Скр. *стѣула*.

б) Сл. *Ста-ръ* (собств. стоящій) и одинаковое съ нимъ по значенію и корню Серб. *ста-ман*, могли бы значить не только «старый», какъ значать дѣйствительно, но и «крѣпкій, прочный», какъ Серб. *ста-мен*, прочный, вѣрный, Скр. *стѣира* и Скр. *стѣа-ман*, сила (сред. р.; въ Слав. должно бы быть, если бъ было, въ видѣ *ста-мя*, какъ Скр. *на-ман* есть въ видѣ *и-мя*).

в) Каково бы ни было собственное значеніе сл. *дрѣво*, нельзя, не смотря на разницу въ правописаніи, не признать его средства съ *древнь*, *древлю*. Съ *дрѣво* сближа-

емъ Польск. *trwać*, Чеш. *trvati*, *durare*, и Мр. *тривати*, ждѣть (вѣроятно изъ Польск.); переходы звучныхъ въ однозвучные весьма обыкновенны. При этомъ Серб. форма *трајати*, *durare*, представляется вторичною, съ *j* изъ *v*, какъ въ Серб. *лавѣж*, лай.

г) Быть можетъ, какъ *trvati* относится къ *дрѣво*, такъ Серб. *боравити* (если это слово, извѣстное только въ Серб. не есть иностранное)—къ *боръ*, въ смыслѣ дерева вообще. *Боравити*—*vitam agere* («какъ боравиш? Не боравиш?»); *санак боравити*—спать; потомъ, т. к. жить=быть, а забыть потерять изъ памяти, то *заборавити*—забыть.

д) Сл. *гол-ѣмъ* (Ст. сл. Серб. Болг.), великій, Костр. *галяма*, *галямо*, много, очень много, можно сравнить съ Русс. *голомя*, стволъ дерева, подобно тому, какъ мы сблизили сл. *стволъ* съ Скр. *sthūla*. Въ обл. Вр. нарѣчій *голомя*, давно, высота ствола становится мѣрою времени: «давно ли ушелъ такой-то?—ужъ голомя.» *Гол-ѣмъ* и *голомя* ср. съ Лит. *gal-u*, *gal-ėti*, мочь, быть въ состояніи, быть здоровымъ, сильнымъ. Въ этомъ послѣднемъ можемъ предположить основное значеніе «рости», опираясь на аналогію съ *могу* (*mōgen*, *mégas*, *mag-nus*, Скр. *mah-at* и пр.), при коемъ стоитъ скр. *mañh*, *mañ*, рости.

е) Мы видѣли близость представленій старости и крѣпости, прочности, объясняемую тѣмъ, что образомъ старости было *стоячее*, прочное дерево. Связь (стоянья) прочности и дерева можемъ предположить и въ словѣ *сѣ-дравъ*, даже если сблизимъ его не съ кор. *дру*, *firmum esse* (такого корня не находимъ въ Петерб. словарѣ; при томъ этому производству мѣшаетъ полногласіе слова *здоровъ*), а съ Скр. *дāру* въ значеніи дерева, въ которомъ, въ силу вліянія другихъ словъ, могло появиться этимологически не заключенное въ немъ значеніе крѣпости. Что до предлога въ словѣ *сѣ-дравъ*, то въ Скр. прилагательное, образованное изъ предлога *са* (=сл. *сѣ*) и названія предмета, значить: находящійся вмѣстѣ съ этимъ предметомъ (*сануптра*, вмѣстѣ съ сыномъ), снабженный имъ (*санушпа*, съ цвѣтами, цвѣтушій), сходный съ нимъ (*са-*

руна, имѣющій одинаковый видъ, сходный). Это послѣднее значеніе можетъ имѣть предлогъ *съ* и въ словѣ *сѣдравъ*, которое въ такомъ случаѣ будетъ значить: сходный съ деревомъ (по прочности). Другіе примѣры такого значенія предлога *съ* въ славянскомъ *сѣверстѣ* (имѣющій одинаковую версту, т. е. возрастъ), сверстникъ; *сѣобразнѣ* (имѣющій одинаковый образъ), сходный, и пр. При нашемъ объясненіи Малорусское значеніе слова *здоровый* (большой, дюжій) будетъ предшествовать значенію «*sanus, incolumis.*»

ж) Представленіе старости, древности, протяженія времени въ образѣ *высоты дерева* есть частный случай обыкновеннаго пріема мысли измѣрять *время пространствомъ*. Другіе примѣры этого пріема:

аа) Высота полета птицы есть образъ дальняго времени:

Ой *високо* соколові до неба літати;

Ой *далеко* козакові до осени ждати.

Хоть *високо*—не *високо*, треба долітати;

Хоть *далеко*—не *далеко*, треба дождати.

(Метл. 7).

бб) Скр. *дѹра*, далекій (о пространствѣ) имѣтъ неправильную сравн. и превосход. степень *дав-ѣјаѣс*, *давишѣа*, съ коими справедливо сравниваютъ (Гильф. Микуч.) Славянское *давынѣ* (далекій—о времени, при чемъ степень отдаленія можетъ быть очень невелика,—часть или нѣсколько; ср. Вр. обл. *дави*, *давя* (*дави?*), *давеча*). Интересно, что Онеж. *давенько*, сохранило значеніе такое же, какъ упомянутыя Скр. слова и близкое къ нему: далеко (о пространствѣ), высоко.

Сшибаль молодца со бѣлыхъ грудей,

Давенько сшибаль да выше лѣсу темнаго

(Пам. и Обр. 35^с).

вв) Вѣкъ человѣческій представляется пространствомъ, полемъ, моремъ; перейти, переплыть зн. пережить, перебыть: «кручиною поля не изѣѣдишь» (вѣку не проживешь); «вѣкъ прожить не поле перейти»; «однимъ волокомъ вѣка не проживешь» (*волокъ*—водораздѣлъ, лѣсъ на немъ и вообще лѣсъ, дорога лѣсомъ, разстояніе между смѣнами

лошадей, станція; приведенная пословица зн.—въ одинъ перегонъ, въ одну упряжку вѣку не проживешь);

Переступлю я сінечки и покутную лаву;

Пережила поговора, *переживу* ѣ славу (М. 87);

«Жизнь изжить, что море переплыть»;

Ой я въ морі купалася

И я въ бѣду попалася;

Я-жъ море *перебреду*

И я бѣду *перебуду* (Лаврен. Пісн. 5).

Возможно, что Лит. *metas*, время, годъ, значить собств. нѣчто измѣренное ходьбою, движеніемъ; корень—Скр. *ми*, *мѣ*, идти. Слав. *вѣкъ* сравниваютъ съ Скр. *ѣ ка*, одинъ (Гильф.); но вѣриѣе, кажется, принять *к* за суффиксъ и сблизить съ Скр. *вај-ас* (кор. *вај*, *вѣ*, идти), вѣкъ, юность, птица (идущая, летящая): вѣкъ, молодость летитъ какъ птица:

Видно пролитѣу мой дивій вѣкъ

Еснымъ младымъ соколомъ

Мимо моей буйной головы,

Крылышкомъ не задѣжну онъ

(Этн. Сб. V, Вельск. свад. обр. 34).

Съ одной стороны старость граничитъ съ возмужалостью, здоровьемъ, силою; съ другой — она переходитъ къ значенію заботы, печали, болѣзни, для коихъ, какъ и для первыхъ, языкъ находитъ образы въ жизни дерева.

а) Согласно съ пословицею «старость не радость», въ Серб. Чеш. Луж. *старость*—забота, печаль (здравица: «да Бог окрене старост на радость»); *стараться* значить прежде заботиться, «печаловаться», а потомъ уже—усиливаться что сдѣлать.

б) *Дряхлый* въ разныхъ своихъ измѣненіяхъ имѣетъ значенія—болѣзни дерева, человѣческой старости, болѣзни, печали: ср. *трюхлый*, о деревѣ: гнилой; *дряхлый* старикъ—дряблый; Стар. сл. *дрѣхлѣ*, *дрѣселѣ*, печальный, озабоченный; Чеш. *truchlý*, *truchlivý*, печальный; Серб. *труо*, трюхлый, но *трухла* жена—трудна, беременная и въ этомъ смыслѣ больная (*труд*—болѣзнь); Новг. *трухавый*,

хилый, хворый. Вѣроятно, основная форма этихъ словъ начинается съ отзвучной; ср. Лит. *tręsz-tu, tręsz-au, tręsz-ti*, трюхнуть, *литъ*. Можно думать о корнѣ *трас*, дрожать, который въ славянскихъ нарѣчіяхъ является съ носовымъ звукомъ (*траси, трусить*), и безъ него (*страхъ*; если предположить не встрѣчаемую форму *сѣтрахъ*, то это слово будетъ цѣликомъ равняться Скр.-му *сайтраса*, страхъ). Въ такомъ случаѣ *трюхлый* (о деревѣ) значило бы собственно: дрожащій, колеблющійся, противоположный старому въ смыслѣ крѣпко-стоящаго.

с) Сродные корни *хыл*, *хыр*, со значеніемъ клонить (хилить), качать, колебать, бросать (Новг. *захирить*, закинуть; *швырять*; представленія колебанья и бросанья сродны и въ другихъ случаяхъ) отъ значенія-клониться, качаться переходятъ къ значенію слабости и болѣзни: хилый, слабый, больной; Обл. Вр. *хиль*, болѣзнь, *хильмень*, хилый человѣкъ; *хилкій*, о погодѣ: вѣтренный, по Арх. Новг. *хилкой*, слабый, нѣжный (собств. склоняющійся отъ вѣтру); *хвилкій*, *хвилый*, слабого сложенія, больной; *хирый*, тоже, *хирить*, болѣть; *хворый*, тоже, Чеш. *chvogavŭ, chogavŭ*, худой, *chogavěti*, худѣть. Въ Лит. и Скр. упомянутымъ корнямъ соотвѣтствуютъ уже формы съ конечнымъ *р*, *л*: Лит. *swer-du, swerdēti, swūgu, swir-ti, swyroju, swyroti*, хилиться, качаться (напр. очередь отъ вѣтру), *swerti*, вѣсить; Скр. *лвал*, дрожать, колебаться, качаться (*); однако, если сравнить слова *хылити*, *хгирити* съ тождественнымъ по всѣмъ значеніямъ *хвѣтати* (колебать, Срб. бросать; ср. *хвѣтати*), то нужно будетъ признать какъ *л*, *р* въ первыхъ, такъ и *т* во второмъ, за суффиксы.

Поясненіемъ собственнаго значенія словъ *хилый*, *хворый* служить то, что въ пѣсняхъ дерево или былина,

(*) Если сюдаже относится Скр. *лвар*, быть кривымъ, извиваться, и если, какъ обыкновенно думаютъ, это *лвар* изъ *длвар*, то нужно будетъ допустить, что *л* въ *хилить* и въ *лвал* есть остатокъ придыхательнаго звука, что кажется очень сомнительнымъ.

склопяемая вѣтромъ — любимый образъ печали (*), съ чѣмъ сравни Вр. *маяться*, качаться, потомъ — горевать. Другой образъ горя — болѣзни, тоже взятый изъ жизни дерева, тотъ, на который указываетъ пословица «не гули коре, не чини горе» (Срп. Посл. 197): печальному и больному человѣку такъ, какъ дереву, съ котораго де-

(*) Ср. Не *хилися*, явороньку, ще ти зелененький;
Не *журился*, казаченьку, ще ти молоденький.
Не радъ явиръ хилитися: вода корінь мие;
Не радъ козакъ *журитися*, такъ серденько ние. —

Въ чистімъ полі стояла береза,
А верхъ *похилився*; *козакъ* зажурился. —
Изъ за гори вітеръ віє, березоньку хинить.
Не хилися, березонько, ще ти зелененька,
Не журися дівчинонько, ще ти молоденька (Метл. 20).

Замѣтимъ противопоставленіе хилень-журибы и молодости-зелени, согласное съ вышеупомянутымъ сближеніемъ старости и печали.

Самый видъ дерева, склоняемаго вѣтромъ, наводитъ печаль:
Та вилітала галка зъ зеленого гайка....
Сіла на дубочку....

«Та не хилися дубе, бо життя не буде,
«Та не хилися сосно, бо й такъ мені тошно».

....«Та не хилися гілко, бо й такъ мені гірко,
Та не хилися низько: нема роду близько (Метл. 245, 250, 251/.

Сначала человѣкъ стремится увидѣть состояніе своей души въ окружающихъ его явленіяхъ природы, и ходъ этого сознанія себя во вѣшнемъ мірѣ даетъ ему наслажденіе творчества. Потому, когда, цѣль достигнута, природа построена по образу человѣка, когда всякій ея дучъ и звукъ напоминаетъ извѣстное явленіе внутренней жизни, можетъ случиться, что человѣкъ радъ бы отдѣлаться отъ этихъ напоминаній, потому что и безъ нихъ сознаетъ въ себѣ тягостное чувство. Отъ всякаго намека ему становится больше, а между тѣмъ привычная мысль по прежнему толкуетъ природу, такъ что кажется будто природа, на зло человѣку, подновляетъ его горе. Къ такому состоянію духа относится вышеприведенная пѣсня. Ср. еще слѣдующее: кому не весело, тому тяжело слышать шумъ деревьевъ, если съ этимъ шумомъ онъ привыкъ связывать мысль о печали:

«Ой не шуми дуже ти зеленой гаю,
«Не завдавай серцю жалю,
«Бо я въ чужімъ краю».

Склонившіяся вѣтви предвѣщаютъ печаль, смерть:
Ой за дугами, — за берегами схилилися віти,
Засідають вражі Ляхи Пересбійніса вбити (Метл. 401).

Ср. «дерево не богомъ (не къ добру) листвіє срони» (Сл. о. П).

Мр. *Билина* потому именно служитъ обычнымъ образомъ сиротства, одиночества, горя, что поддается всякому дуновенію вѣтра:

Ой у полі билина, її вітеръ кодише;
Горе-жъ мені на чужині, ажъ мій духъ не дише.

(Метл. 78, ср. іѣ. 136, 262).

руть кору. Сравни Серб. *бортати*, болѣть, съ Чеш. *bortiti*, колоть; *бортъ*—собств. дупло, щель въ деревѣ, одного происхожденія съ *братъ*, рвать, стало быть — нѣчто выдранное. Не совѣмъ ясно основное значеніе Вр. обл. *древить*, бранить, досаждать («ты ужъ мнѣ не говори да и сердца моего не древи», какъ бы не раздирай, не мучь), Поль. *drwić*, издѣваться, Чеш. *drviti*, бить, толкать, глупо говорить. Вовсе не видимъ сродства словъ: Вр. *хлибкій*, о деревѣ: хрупкій; о человѣкѣ — чувствительный напр. къ морозу, *хлибитъ*, быть нездоровымъ. Врядъ ли можно думать о связи ихъ со *слабъ*, Лит. *silp-ti*, быть слабымъ, усталымъ, *silp-pas*, слабъ.

Гибкія *лози*, и потому служація символомъ печали, на этомъ же основаніи знаменательно именуются со *слези*:

Ой ви́хавъ молодой козакъ за густіи лози,
Ой узали молоду дівчину дрібненькіи слѣзи (Метл. 110).

Ой поросла запорожжя густими лозами;
Обилися запорозці дрібними слѣзами.—

Ви густіи лози та одхилітеся;
Ви дрібніи слѣзи та одкотітеся.—

Вивезли дочку за густіи лози,
Обили матку друбненькіи слѣзи, (Костом. у Морд. 275).

Отношеніе между разсматриваемымъ нами символомъ и обозначаеымъ можетъ представляться однимъ изъ проявленій сочувствія природы человѣку. Такъ въ Сл. о П. «уныша цвѣты жалобою и древо съ тугою къ землі преклонилось.»

Сила горя изображается тѣмъ, что оно во внѣшней природѣ производитъ свой символъ:

(Замужняя дочь) «Обернувшись зозулею та въ годъ прилетіла.

Якъ сіла-жъ я въ батька въ саді,
Ой якъ же я закувала, весь садъ поламала,
Ой якъ же я затужила, весь садъ заглушила. (Метл. 257.).

Перекинулася въ сиву зозуленьку,
Въ калиновімъ гаю сіла.
Якъ взяла ковати, жалібненько співати,
Ажъ ся взяли къ землі ліси калинові
Одъ голосу розлягати (Кост. у Морд. 227).

(Зозуля) Ой якъ летіла—дугъ поламала,
А где спочивала, кириця стала (Метл. 258 іл 255, 256).

Она силою своего кованья-плача не только гнетъ, но и ломаетъ садъ.
Ломиться такой же знакъ печали, какъ и *гнётся*. Ср.

Що галочка воду несе коромисель гнется,
А Василецъ въ віконечко якъ береза льетця (вьетця).

III.

Чи коріння не глибокого?
Чи ти батька не багатого?

а) Пень—*Корень-отец*. По Лужицкой половицѣ «кажі когеі, тажі викогеі (Smol. II. 193), каковъ корень, таковъ отпрыскъ, каковы родители, таковы дѣти. Серб. «безъ стара паѣа сиротно огњиште» (Посл. 12), плохо семьѣ безъ отца, безъ старшаго въ родѣ. Этой пословицѣ соотвѣтствуетъ другая: «тешко куѣи безъ чоека, а огњишту безъ хреба» (ib. 315), при чемъ ясно, что огнище, очагъ—образъ рода, семейства, хозяйства. *Хреб*, корень, ср. съ Обл. Вр. *хряпа*, больніе верхніе листы капусты, *хряпка*, кочерыжка (Орл. Тул.) и старуха (Смол.). «Као два одсѣчена паѣа» каже се за стара чоека и жену, који ѣще не мају (ib. 131). «Оста један, као пань у лазину» (272), о человѣкѣ у котораго весь родъ

.... Гнися, гнися, коромиселъ, не переломися:

Василечку, сердце мое, не плачь, не журися. (Метл. 303).

Нѣчто подобное и въ Вр. пѣснѣ:

«Перейди, сударушка, на мою сторонушку.»

—Я бы рада перешла, переходу не вашаа,

Переходъ нашаа—рѣчка глубока,

Рѣчка глубока, жердочка тонка,

Тонка, тонка гнется, боюсь-переломится;

Знать-то мой милый съ иной водится (Отч. Зап. 1860. IV.

Григ. Р. Н. II. 456).

Качанье дерева, какъ символъ печали, сколько мнѣ извѣстно, рѣже встрѣчается въ др. Слав. пѣсняхъ, чѣмъ въ Мр; ср. Вр.

Ни бѣлая бярезушка шатантиса,

Ни шалковыя лисця асыпаятиса,

Тутъ шатантиса гарюшка маладзешинька,

Асыпаятиса гарячіе слѣзы (Этн. Сб. II. 158).

и Лужицк. Stój ta lipa we tom dole,

Wóna se rjedhe zeleni.

Wóna se chwějo tam a hów,

Žož (когда, если) ten wietšik na nju stój.

Luby ten ježo na wójnu,

Lubka ta siežce zdychujo (Smoler. Haupt. II. 27.)

Зеленая липа въ долиніѣ качается отъ вѣтру, и это образъ милый, тяжело подымающей по милому, который ѣдетъ на войну.

вымеръ. *Лаз, лазина*—мѣсто гдѣ је много шуме исечено.
«Нијесам ја тиква без коријена» (него имам рода) (ib. 217).

Зеленая дубрівонько!

Чого въ тебе *пеньку* много,

Зеленого да ні годного,

Порастоньки ні од одного?

Молодая Марусенька!

Чому въ тебе *батьківъ* (*) много,

Що рідного да ні годного,

Порадоньки ні од одного? (М. 155).

Въ варіантѣ вм. *пеньку* стоить *борівъ* въ томъ же значеніи:

Зеленая та дѣбрівонько!

Чого въ тебе та *борівъ* много,

Зеленого та ні одного,

Пáроста ні одъ одного?

Молодая та дѣвчинонько!

Чого въ тебе та *батьківъ* много,

А рідного ні одного? (М. 154).

Собирательное значеніе Рус. *боръ*, красный, хвойный лѣсъ, предполагаетъ единичное значеніе хвойнаго дерева и дерева вообще. Такъ Серб. *бор*(=Нѣм. *föhre*) сосна, ель (какъ и Чеш. *bor*) и всякое дерево, почему въ пѣснѣ и яворъ называется боромъ:

О яворе-зеленъ боре,

Диван ти си род редио (Кар. Пјес. I. 449).

Такъ и Стар. сл. собирательное *бориѣ* предполагаетъ единичное, и сл. *борина*, лучина (Азбуков.) — значитъ не часть лѣса, а часть одного сосноваго или еловаго дерева. Въ приведенной пѣснѣ *боръ*, какъ нѣчто находящееся въ дубровѣ, имѣетъ конечно единичное значеніе, но какое именно—не можемъ сказать. *Боръ* въ смыслѣ корня, пня намъ не встрѣчалось нигдѣ. Въ другихъ Мр. пѣсняхъ лѣсъ, какъ собирательное, именное *лѣсъ*, лѣсъ на низкомъ мѣстѣ, есть символъ отца:

(*) т. е. родичей заступающихъ у сироты мѣсто отца.

Темного *лугу* калина;
 Доброго (*) *батька* дитина (М 234) (**)
 Щебечить соловейки,
 Та задайте тугу темному *лугу*
 И моему *папощеньку* (М. 142).

Запорожцы, подъ вліяніємъ пѣсенныхъ сравненій, звали батькомъ лугъ растущій по берегамъ Днѣпра: «Січъ мати, а великий лугъ батько». (***)

б) «Коріння *глибокаго*, батька *багатаго*.» Отъ Скр. *vrđh*, вардh, (оттуда Греч. *giza* корень (изъ *briza*), Лат. *gad-ix* (отъ *ardh*) и Нѣм. *wurzel*, Гот. *waurts* (Боппъ), прич. прош. страд. *vrđdha* знач. *adultus*, *auctus*, *dives*, *senex*. Въ предѣлахъ сравненія челоуѣка съ корнемъ: чѣмъ старше, глубже, прочнѣе корень, тѣмъ старше и *богаче* челоуѣкъ. Ср. «сидѣть на корю.» владѣть дѣдовскимъ имуществомъ.

Сл. *корь*, род. *кря* зн. корень, родина, наслѣдственное имущество, деревня, выселокъ. Съ *корь* въ значеніи деревни (или и одной избы?) ср. сл. *корчма*, Поль. *karczma*, Чеш. *krčma*, Срб. *крчма*, вездѣ съ однимъ значеніемъ: шинокъ, постоялый дворъ. Слово это очевидно отъ *корчъ*, корень, пень, стволъ. Если взять во вниманіе то, что первобытное состояніе гостепріимства въ Сербіи, о которомъ говоритъ Караджичъ, еще не такъ давно могло быть пѣвсемѣстнымъ, что корчемъ въ нашемъ смыслѣ не было, но каждый большой домъ былъ для путника корчмою; то можно думать, что сл. *корчма*

(*) *Темный—добрый*. Чѣмъ темнѣе и гуще лѣсъ, въ которомъ растетъ калина, тѣмъ скорѣе она уберется.

(**) Жить на извѣстномъ мѣстѣ-рости: «ѣе који ниче ту и обиче»; «ѣе ко никне, ту и обикне» (Посл. 57, 87); «ѣе се ко не си, е, нека не ниче (ib 76).

(***) Другое значеніе луга—другъ, милый:

«Ой пійду я пійду не берегомъ лугомъ

Чи не зостринуся зъ несуженимъ другомъ.»

Здоровъ, здоровъ дуже, не сужений друже!

Здорова дівчино, любилися дуже (М. 94).

Не берегомъ—лугомъ. Ср. «Уже *луожечки* — *бережечки* вода поняла (М. 131 701, 402).

Лугъ растетъ на берегу, и связанныя на этомъ основаніи представленія *луга* и *берега* не разрываются, хотя бы въ предметахъ и не было этой связи.

предполагаетъ значеніе: осядлость богатаго человѣка, сидящаго «на корю».

в) Изъ двухъ пословицъ, приведенныхъ подъ а), видно, что какъ *корень*—отецъ, такъ *отпрыскъ, паростъ*—дитя. Отъ значенія дитяти, потомка легокъ переходъ къ назначенію молодаго человѣка или дѣвницы вообще. Ср. Серб. *ћетић*, мужчина вообще, молодецъ (*held*): «намјери се ћетић на ћатића»; въ Чешск-Мор. пѣсняхъ *syn, zupěsek*—очень употребительно въ смыслъ молодецъ, милый, такъ что сыночкомъ называетъ дѣвница своего любовника (Мор. Nar. P. Susil. 89, 113 и пр.); слово *парень*, сынъ (Перм.), молодой человѣкъ, можно сблизить съ Скр. *prîy* (пар), *припѣти*, радовать (родств. съ *prîy*, къ коему относится слово *пріятель*), такъ что *парень* будетъ значить—сынъ какъ *утѣшающій* родителей, аналогично съ Скр. *нандана, нандака* (отъ *нанд*, быть довольнымъ, радоваться), сынъ (—нѣ, дочь), какъ тотъ, отъ котораго ожидаютъ утѣшенія, радующій родителей, семью (кула-нандана). Сближеніе вѣтки и дитяти въ пѣсняхъ очень обыкновенно. Въ Мр. рнѣмуются слова и *віти* и *діти* (*):

(*) Розхилітця, калинові віти;
Прийми, мила, хоть малі діти (М. 266)

Схилилися калинові віти;
Розплакались маленькі діти (М. 271)

Висипъ, милый, високу могилу,
Та посади червону калину,
Уродяться великі віти
Забавляти маленькі діти (іѣ.)

Ой у полі да калинонька, похилилися витки;
Не одинъ чумаць покидає жінку и маленькі диткі (іѣ. 459.)

Верхъ дерева—дѣвица, дочь:

Стої яблонка вѣкъ безъ *верха*;
Живи, мой батюшка, вѣкъ безъ меля (Сак. ск. Р. п. III, 149).
Кругомъ солнце обошло,
Рядомъ бояре ѣхали,
Вершину у рабинушки сломили,
Конямъ подъ ноги бросили:
«Топчите, кони, вершинушку;
Стої рабина безъ *верху*;
Живи батюшка (жатушка) безъ *дочери*»

(Гуляевъ Оч. Ю. С. 6. 43).

Въ языкѣ это сближеніе находимъ въ слѣд.: Луж. hole, gólje, дитя, hole, парень, holca, дѣвица, Чеш. hole—lete, дитя, holek, holka, мальчикъ дѣвочка,—ср. съ Чеш. hole (голя), hol, вѣтвь, палка, *голя*, Мр. *и́ля*, *и́лка*; Чеш. holomek, парень, ср. съ *голюма*. Наоборотъ, *насынокъ*—меньшее изъ двухъ сросшихся деревьевъ (Арх.), отростокъ напр. табку (Мр.), Серб. *младица*—молодая (жена), *младица*—парость, вѣтка.

III. Листъ древесный и слово.

Звуки вѣтшней природы весьма часто служатъ въ народной поэзіи образами членораздѣльной рѣчи. Такъ напр. человѣческая рѣчь представляется шумомъ дерева:

А не въ бору *сосна зашумѣла*,
Не зелена *дѣрова зъ буйнимъ вѣтромъ говорила*,
А та вдова старенька въ домівці зъ маленькими
дітками *говорила* (Метл. 347);

Что не дубъ *стоить, змѣуланъ сидить*; что не *вѣтеръ шумитъ, змѣуланъ говоритъ* (Гуляевъ, Оч. Юж. Сиб. I, 57). Въ Литовской пѣснѣ, на оборотъ, въ шумѣ дуба слышится человѣческій говоръ:

Tas aužolelis, tas szimtszakelis

Su vėjužiu kalbėjo (Nesselmann. Lith. volkslied. 81)

(Этотъ дубъ, этотъ стовѣтвистый съ вѣтромъ говорилъ) (*).

Серб. Одби се грана од јергована (бузокъ)

И љепа Смиља од своје мајке,

Од своје мајке и од свег рода (Кар. Пјес I, 33.)

Какъ вѣтка отрывается отъ куста такъ дѣвица отъ рода. Кстати замѣтить связь куста и пня: Русск. *корь*, *кря*, по формѣ—Польскому *kierz*, *krzta*, кустъ *гзак*; можетъ быть поэтому «сыръ *кряковистый* дубъ» значить вѣтвистый?

(*) Этимъ сближеніемъ рѣчи и шума объясняется, по видимому, сравненіе *рѣчи* и комнатнаго *сора* въ поговоркѣ: изъ избѣ *сору* не выносить, т. е. не выносить того, что въ избѣ говорится. Tertium comparationis *рѣчи* и *сора* есть то, что какъ рѣчь, такъ и соръ есть шумъ: Обл. Вр. *шумъ*, *шумка* зн. сметье. Въ Бѣлоруссіи свекоръ даетъ невѣсткѣ такое проницательное и двусмысленное наставленіе: ты дачушка, паша избу (подметаю), шумки за окно не выкидывай (и не выноси сору, и не сплетничай); я, дождавшись Св. Патра, сбярю талаку и самъ шумку вывезу». (Этн. сб. II. 187). Основаніемъ сравненія шума и сора можетъ быть сравненіе сора и шумящей пѣны: Поль. *Szumowiną piana*, которую при кипяченіи снимаютъ какъ лишнюю, Чеш. *šum*, пѣна *Hm. Schaum*.

Какъ дерево шумить листвою, такъ человѣкъ говорить словами. Отсюда слово представляется листомъ древеснымъ. Такъ въ Литов. пѣсняхъ:

O asz ne turiu tėvo nej moczutės.

Nej jokiōs giminelės,

Auga girelej' žalias aužolelis

Taj mano ne tėvelis.

Lėmū ne tėvas, szakos ne rankeles,

Lapelei ne žodelei (Ness. L. V. 60).

(Уменя нѣтъ ни отца, ни матери, и никакой родни. Растетъ въ лѣсу зеленый дубъ, то мнѣ не отецъ. Стволъ не отецъ, вѣтви—не руки, *листья не слова*). Напомнимъ, что противоположеніе листьевъ словамъ предполагаетъ ихъ сравненіе, и что вообще всякое отрицательное сравненіе основано на положительномъ. Непосредственное появленіе отрицательнаго сравненія психологически невозможно.

Stov ant kalnelio žalia lėpele,

Ten mano nactvynele,

Szitos lėpeles žali lapelei

Bus mano prėgalvelis.

Už manės linko lėpōs szakeles,

Ne moczutės rankeles.

Už manės krito lėpōs lapelei

Ne maczutės žodelei (Ness. ib. 166—7).

(Стоитъ на горѣ зеленая липа, тамъ мой ночлегъ; зеленые листья этой липы будутъ мнѣ взголовьемъ; ко мнѣ склонялись вѣтви липы, но не материны руки; на меня падали листья липы, но не материны слова).

Ar pavirsi, aužoleli,

I mano tėveli?

O szios žalios szakuželes

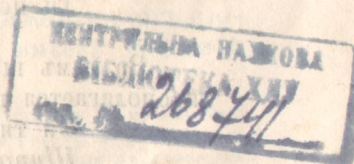
I baltas rankeles?

Jr szė žali lapuželei

I meilus žodelius?...

Ne pavirto aužolelis

I mano tėveli etc. (Ness. ib. 64).

(Оборотится ли зеленый дубъ моимъ батюшкою, а эти зеленые вѣтви — бѣлыми руками, а эти зеленые листья — ласковыми словами? Не оборотился дубъ т. е. не стать дубу моимъ батюшкою, ни и т. д.)

Это сравненіе листа и слова предполагается, какъ увидимъ, и славянскими пѣснями. Здѣсь приведемъ только Серб. пословицу: од речена до створена, ка' од листа до корена» (Кар. Срп. посл. 347), т. е. отъ слова такъ далеко до дѣла, какъ отъ *листа* до корня. Причины сопоставленія корня съ дѣломъ не ясны.

Листъ, ставши символомъ слова, получаетъ и нѣкоторыя изъ дальнѣйшихъ значеній, какія имѣетъ слово. Такимъ образомъ происходятъ сравненія *листа* и *разума*, *листа* и *лжи*, которыя будутъ непонятны, если упустимъ изъ виду, что среднее между листомъ и разумомъ, листомъ и неправдою есть слово, которое служитъ признакомъ мысли и можетъ стать ложью.

Листъ и разумъ. Какъ весною распускаются листья на деревѣ, такъ въ человѣкѣ развивается мысль:

Не стій, вербино, *розкидайся*;

Не сиди, Марусю, *розмишляйся*.

Чимъ свою свекруху называть будешь? (Метл. 160)

Чѣмъ шире, тѣмъ шумнѣе листъ; чѣмъ рѣчистѣе, тѣмъ разумнѣе человѣкъ. Отсюда сравненіе широты листа съ умомъ:

Молодая явірinoчка,

.... Чи ти *листу не широкого*,

Молодая Марусечко,

.... Чи ти *матки не разумной*? (Метл. 157).

У городі бузина, на ій *листу* нема;

Ти поганий, ти мерзенний, въ тебе *хисту* нема
(Лаврен. Пісн. 9).

За тѣмъ широта листа, какъ символъ разума, противоположается неразумью:

Ой ти дубе кучерявий,

Широкий листъ на тобі;

Ти козаچه молоденький,

Дурний разумъ у тобі.

Листъ и лавъ.

Pusk, pusk, vėjeli, pusk sziaurineli,

Pusk, nū mano mergytės

Daug nevėrnū žodeliū.

Kėk ant ruteliū žaliū lapeliū,

Tėk ant mano mergytės

Daug nevėrnū žodeliū.

Krint nū ruteliū žali lapelei

Krint nū mano mergytės

Daug nevėrnū žodeliū (Ness. L. V. 253,
ib 260).

(Вѣй, вѣй, вѣтеръ, вѣй сѣверный, свѣй съ моей
милой (*) много невѣрныхъ словъ (т. е. напраслины).
Сколько на рутѣ зеленыхъ листьевъ, столько на моей
милой невѣрныхъ словъ. Падаютъ съ руты зеленые листья,
падаютъ съ моей милой невѣрныя слова).

Tėk ant rutū ne darže lapeliū,

Kėk ant manės nevėrnū žodeliū.

Krint nū rutū darželij' lapelei,

Kris ir mano graud'os aszareles (Ness. ib 187).

(«Не столько на рутѣ въ саду листьевъ, сколько на
мнѣ невѣрныхъ словъ. Падаютъ съ руты въ саду листья,
будутъ падать и мои горькія слезы», т. е. полюбятъ слезы
отъ людской молвы).

Въ слѣдующемъ Мр. мѣстѣ густота вѣтвей сравни-
вается съ прекраснымъ, но ложнымъ словомъ:

Ой ти, дубе кучерявий, *голя* твое *расне*;Ти казаче молоденький, *слова* твоі *красні*,

Слова твоі прекрасніі, превражая думка (Met. 107).

Здѣсь можно видѣть и противопоставленіе листа,
какъ слова въ его лучшемъ смыслѣ. Самый эпитетъ сло-
ва «nevėrnas žodis» предполагаетъ и имѣть при себѣ

(*) «Nū mano mergytės» собственно соотвѣствуетъ Мр-му «съ моей
дѣвиноньки». Мы не заботимся о полной точности перевода; во многихъ слу-
чаяхъ она и не достижима. Такъ напр. всѣ существительныя въ приведен-
ныхъ стихахъ нужно бы перевести уменьшительными; для sziaurinė'is, умень-
шительнаго отъ сѣверный вѣтеръ, нужно бы выдумать новое слово, потому
что Вр. *сѣверикъ*, сѣверный вѣтеръ, не есть уменьшительное.

постоянный эпитетъ *vérnas žodis*, Мр. вірне слово (*). На этомъ основаніи въ Серб. пѣснѣ опаданье листьевъ есть измѣна; какъ скоро опадаютъ листья съ вѣтки, которою ударять по землѣ, такъ скоро юнакъ измѣняетъ своему слову:

Друге моје, не ходиле луде!

Не држите вјере у јунаку;

Мушка глава и шушњата грана:

Удри граном по зеленој трави,

Лист опадне, а грана остане;

Онака је вјера у јунака (Кар. Срп. пјес. I, 388)

Замѣтимъ связь шума листьевъ и рѣчи въ Серб. эпитетѣ вѣтки. *Шушњата грана*—собственно шумящая, потомъ—покрытая листьями вѣтка; ср. Скр. *свас*, дышать, вздыхать, стонать, и Чеш. *suseti* (sauten) *šuškat*, Серб. *шушкати*, *шушкетати*, о листьяхъ: шелестѣть; о человѣкѣ: шептать, тихо говорить. Въмѣсто *шушњата* говорится и *шумљата грана*. При этомъ выраженіи, кромѣ слова *шум*, стоятъ еще: Серб. *шума*, лѣсъ, потому что шумитъ, п. ч. «шумъ ходитъ по дѣбровѣ»; Чеш. *ошумѣти*, собственно лишиться листьевъ, а потомъ (такъ какъ листъ на деревѣ тоже, что волосъ на человѣкѣ) олысѣть; Вр. *шумиха*, осока, которая какъ извѣстно, шумитъ особымъ, металлическимъ шумомъ. Въ Русскомъ какъ и въ Сероскомъ чувствуется близость корней *сус* и *шум* вѣроятно родственныхъ: *сусальное золото*, иначе называется *шумихою*.

Шумъ дерева и брань, угроза.

Сочетаніе этихъ представленій очень понятно, даже независимо отъ сказаннаго выше о связи листа и слова; но примѣровъ нашлось только два:

(*) Напр. Мр. Та ні до кого мені промовити

Та вірненького словця (Метл. 243).

Та нема цвіту найсипнішого надъ ту ожинюнку;

Та нема слова найвірнішого, надъ ту дружиноньку (іѢ.), т. е. нѣтъ чловѣка вѣрише мужа. Подобнымъ образомъ въ Поль. и Серб. слово *віага* вјера само по себѣ значить чловѣка вѣрнаго, на котораго можно положиться.

Ой яворе зелененький, *не шуми-жэ* на мене,
А ты милый, чорнобривый, *не сварись* на мене.
(Ужинокъ рідн. поля, 100).

Въ Вр. пословицъ «*береза не угроза*, гдѣ она стоитъ, тамъ и шумить» потому только и возможно отрицаніе сходства между шумомъ березы и угрозою, что это сходство нѣкогда признавалось. Даже это отрицаніе, только мнимое: береза въ самомъ дѣлѣ грозитъ своимъ шумомъ, но ея угроза не страшна, потому что береза съ мѣста не двинется.

Переходимъ къ ряду представленій, который имѣетъ въ основаніи другія чувственныя воспріятія, но въ своемъ развитіи сходится съ вышеприведеннымъ рядомъ (листь, слово и проч.).

Перо, листъ, слово. Слово *перо* въ нѣсколькихъ нарѣчіяхъ соединяетъ въ себѣ значеніе пера и листа. Такъ Поль. *pióro*, *piérze*—и *sebuli*; Вр. хлѣбъ на третьемъ *перъ*, т. е. колѣницъ; Серб. Хорут.—*перо*, листъ, Серб. *перје*, листья капусты, лука, травы, лепестки розы. Караджичъ, по поводу стиха «просу се бисер по перја» (т. е. по травѣ), замѣчаетъ, что въ горномъ приморьи всякій листъ зовется перомъ (Срп. Цјес. I, 42). Боппъ отъоситъ слово *перо* къ корню *пат* падать, летѣть (откуда Слав. *пѣта*=*пѣтица*), вѣроятно предполагая основную форму *птеро* и затѣмъ выпаденіе *т* для устраненія чуждаго Ст. славянскому сочетанія *пт*. Миклошичъ сближаетъ *перо* съ *прати*, *перъ* летѣть, что ни съ какой стороны не встрѣчаетъ препятствій. Но обоимъ производствомъ *перо* зн. собственно нѣчто быстродвижущееся, летящее. Переходъ къ значенію листа можетъ быть основанъ на сходствѣ движенія пера-крыла летящей птицы и падающаго или колеблемаго вѣтромъ листа (*). Тоже основаніе сравненія листа и пера находимъ въ Лит. и

(*) Это не единственное принятое въ языкѣ основаніе сравненія: въ Скр. чѣда—м (отъ кор. чѣд покрывать), листъ и крыло; общее между тѣмъ и другимъ то, что какъ листъ *покрываетъ* дерево, такъ перо-крыло—птицу.

Скр. Лит. *laksztas*, листъ, особенно капустный, листъ бумаги, ср. съ Лит. *lėk-ti*, летѣть, *laksyti* порхать. Если вмѣстѣ съ Миклошичемъ сблизить Лит. *laksztas* и Слав. *листвъ*, то нужно, что онъ и дѣлаетъ, признать первоначальное тождество Лит. *lėk-ti* и Слав. *лет-ѣти*. Отъ упомянутого выше кор. *пат* происходятъ: Скр. *пата-тра-м* крыло (ср. Греч. *pteron* Др. Нѣм. *fedara*. Боппъ) и *патра-м* (изъ *пат-трам*), крыло и листъ (Греч. *petalon*, Боппъ). Скр. *парпа-м*, вѣтка, листъ, по Бепфею — отъ того-же кор. *пат*, изъ *птарпа-м*, Лит. *sparnas*, крыло, ср. съ Лит. *spurzdū, spursti, su-spursti*, о полетѣ вснугнутыхъ птицъ: вспорхнуть, и съ Скр. *спһар, спһур, спһал*, двигаться, дрожать, сверкать.

Представленіе слова и славы (дурной) перомъ встречаемъ только въ пѣсняхъ:

Parlėk žyvaitė pavasarelij',

Parnesz meilės žodelius;

Tėk nėr' žyvaitės raibū plunksneliū,

Kėk man meilės žodeliū (Ness. L. V. 242).

(Прилетѣла птичка (*) весною, принесла любовныя слова; не столько у птички рабыхъ *перьевъ*, сколько у меня любовныхъ *словъ*).

Jszausz vasarele, parbėgs gegužele,

Parnesz meilės žodelius nū jaunajo bernelio (**).

Kėk ant geguželės raibū pluksnuželiū,

Tėk ant mudviū, berneli, daug nevėrnū žodeliū
(Ness. ib. 89).

(Разсвѣтеть весна, прилетитъ кукушка, принесетъ любовныя слова отъ молодца. Сколько на кукушкѣ *рабыхъ перьевъ*, столько на насъ двоихъ, молодецъ, и вѣрныхъ словъ, т. е. славы-поговору).

Въ первомъ четверостишии эпитетъ *перьевъ (рабыя)* соотвѣтствуетъ добрымъ свойствамъ слова (*милая лю-*

(*) По Несселъм. трясогузка, *motacilla, Bachstelze*, по Шлейхеру какая-то птичка *Wippenzagal*.

(**) *Jaunas bernelis* соотвѣтствуетъ Мр-му молодой хлопецъ, молодой казакъ.

бовныя слова), во второмъ онъ имѣетъ значеніе противоположное (*raiba plūnsna*—*nevērnas zodis*). Первое значеніе непоцпагно. Можетъ быть оно предполагается Мр. двустиніемъ:

На курочці *пирьячко рябое*;

Любімося, серденько, обоє.

Связь между первымъ и вторымъ стихомъ будетъ восстановлена, если допустимъ, что сравненіе рябыхъ перьевъ и любви основано на сравненіи перьевъ и словъ. Въ противномъ случаѣ это будетъ умышленная бессмыслица, въ родѣ известной: «Въ огородѣ бузина, а въ Києві дядько» и пр. Второе значеніе эпитета рябой находитъ объясненіе въ томъ, что *рябой*—перемѣчивый, непостоянный, лживый, какъ лжива молва. Ср. Поль. «*łaska pańska na pstrém koniu jezdzi*», т. е. папская милость непостоянна; Серб. «не баља *шарати* (*variegare*, дѣлать сѣрымъ т. е. лгать), *jer kemo umrijeti*» (Сри. Посл. 276); Серб. *шарен*—пестрый, двоеязычный.

Мы видѣли въ нѣсколькихъ словахъ связь представленій пера и листа, и потому считаемъ вѣроятнымъ, что именно эта связь служить посредствующею ступенію въ сравненіи слова съ перомъ: перо есть символъ листа, а листъ—символъ слова; потому и перо становится символомъ слова; потому и перо становится символомъ слова. Понятно, какъ въ первомъ ряду (шумъ, листъ, слово) листъ, представляемый шумящимъ, говорящимъ, могъ стать образомъ слова; трудно объяснить, какъ листъ, представляемый чѣмъ-то сходнымъ съ летящимъ перомъ, могъ получить значеніе слова и сообщить это значеніе перу. Возможны два объясненія: 1) было въ языкѣ такое сочетаніе представленій листа и пера, въ которомъ перо, а стало быть посредственно, и листъ обозначались признакомъ, какимъ обозначалось и слово, напр. шумомъ (*); этотъ предполагаемый рядъ (шумъ, перо, листъ, слово), въ которомъ послѣдній членъ легко вытекалъ изъ предшествующихъ, своимъ вліяніемъ пополнилъ трехчленный рядъ (полетъ, перо, листъ) еще

(*) Ср. Мр. «Орелъ летитъ—перо *дзвенить*» (Мак.)

четвертымъ членомъ, именно словомъ. 2) Могло вовсе не быть предполагаемаго представленія пера чѣмъ-то шумящимъ. Переходъ отъ пера къ слову могъ произойти всилу непосредственнаго вліянія указаннаго выше ряда «шумъ, листъ, слово». Формула этого процесса слѣдующая: дана привычка мысли переходить отъ *ш* къ *л*, отъ *л* къ *с*; появляется рядъ *н*, *л*, въ которомъ второй членъ тождественъ или сходенъ со вторымъ членомъ 1-го ряда, и мысль переходитъ отъ *н*, *л* къ *с*, точно такъ какъ переходила отъ *ш*, *л* къ *с*. Не будь третьяго члена въ 1-мъ ряду *ш*, *л*, *с*, не могъ бы появиться этотъ членъ и во 2-мъ ряду *н*, *л*.

Хотя мы нашли переходъ отъ пера къ слову только въ Лит. пѣсняхъ, но вѣроятно, что переходъ этотъ принадлежитъ глубокой древности и былъ нѣкогда болѣе распространенъ. Сочетаніе представленія *пера* и *листа* играетъ важную роль въ одномъ индоевропейскомъ мифѣ, въ который, если не ошибаемся, влетается и сочетаніе пера и слова. Мифъ этотъ въ своей индѣйской формѣ состоитъ въ томъ, что Индра въ видѣ сокола похищаетъ въ пользу боговъ и людей напитокъ безсмертія (амṛтамъ), находящійся во власти одного изъ враждебныхъ демоновъ Асуровъ, Сущны. Индра есть громовое божество, быстрая и потому представляемая птицею громовая стрѣла; *амṛта*, иначе *Сѳма*, божественный напитокъ, отъ котораго происходитъ и земной *медъ* у Слав. и Герм., есть живая вода, животворный дождь, какъ бы извлекаемый грозою изъ тучъ, скрывавшихъ его. При дальнѣйшемъ развитіи мифа Индра замѣняется олицетворенною силою людской молитвы, божествомъ Брахманаспати, и, что для насъ важно, даже одною изъ внѣшнихъ формъ молитвы, особенно чтимымъ ведическимъ размѣромъ, Гājatrī. Замѣтимъ, что Мр. *слово* значитъ между прочимъ куплетъ пѣсни, откуда недалеко до значенія размѣра. Гājatrī (собственно пѣсня), оборотившись соколомъ, похищаетъ для боговъ и мудрецовъ Сому (олицетвореніе живой воды). Сторожъ Сомы посылаетъ соколу въ догонку стрѣлу и выбиваетъ у него перо изъ

крыла. *Перо* (парца), упавши на землю, становится *листомъ*, и священнымъ деревомъ (парна), которое сохраняетъ чудесныя свойства Сомы, между прочимъ, какъ и небесная влага, умножаетъ молоко коровъ. Мы находимъ здѣсь, стало быть, только въ другомъ порядкѣ, сочетаніе пера, листа и слова.

Соколь-Индра (окрыленная громовая стрѣла) или Агни (огонь) вмѣстѣ съ Сомою приносить на землю и небесный огонь. Онъ самъ есть этотъ огонь, и отъ него ведетъ начало огонь земной. Его крыло или перо, упавши на землю, сохраняетъ его свойства, и потому растенія, напоминающія видомъ листьевъ перо или пурпурнымъ цвѣтомъ цвѣтовъ—огонь, представляются земными воплощеніями небеснаго первообраза огня. Такое воплощеніе есть у Славянъ и Германцевъ между прочимъ папороть. Нѣмецкое названіе этого растенія *Farn* буква въ букву соотвѣтствуетъ Санскритскому *парна*; Сл. *папрать*, *папороть* есть снабженное суффиксомъ *тъ* удвоеніе того-же корня, къ которому относится слово *перо*. Средствомъ этого растенія—пера съ небеснымъ огнемъ объясняются всѣ его мнѣшескія свойства (*).

Слова корня *рап*, *лап* представляютъ тѣ-же значенія, изъ которыхъ слагаются вышепоказанные ряды, именно: шума вообще и трепета крыльевъ, листа и рѣчи.

1) **Шумъ.** Пск. Тв. *лапотать*, Влад. *лопотать*, о водяныхъ птицахъ: плыва бить крыльями по водѣ; Серб. *лепетанье*, трепетанье, *agitatio alarum avis vel piscis capti*. Судя по тавтологическому выраженію въ необъясненной Караджичемъ загадкѣ «*лепирица лепеће* (мотылекъ трепечетъ или «улепетываетъ») крозъ бијело плијешће, петиња је ћерају, а петиња чекају», мотылекъ въ словахъ: Серб. *лепер*, *лепир*, Арх. *ляпонька*, *липикъ* (и можетъ быть изъ *л*? или непосредственное ослабленіе кореннаго *а*), названъ такъ отъ трепетанья, лопота крыльевъ.

(*) Kuhn, Die Herabkunft des Feuers etc.

2) **Листъ**. Съ Литов. *lapas*, листъ вообще (какъ нѣчто шумящее) сходны слова частью съ такимъ же обширнымъ значеніемъ, частью съ болѣе частнымъ: *лапуха*, *лопухъ*, Поль. *forian*, Чеш. *lapaun*, *loraun*, *lараush*, *lораush*; всѣ равныя по значенію и происхожденію латинскому *lappa*; Чеш. *lurep*, *лопухъ* и *листъ* зелья, *листъ* древесный вообще; Тв. Пск. *лепилка*, *лепильникъ* ренейникъ, *лепушникъ*, шишка чертополоха, ренейника, *лапушиться*, о цвѣткѣ; распускаться (ср. Серб. *листати*, о листьяхъ: распускаться); *лепенекъ*, *листоѣ* растенія, цвѣтка, *лепестокъ*, Пск. Тв. *лапастъ*, *листоѣ*, *лепестокъ*, Олон. *лепишка*, вѣтка, Нов. *лапьякъ*, сосновые сучья, Нижег. *лопникъ* вѣтка ельника, которымъ кроютъ крыши. Вездѣ основная форма корня — *лап*. Сюда же относятся Нѣм. *laub*. Другая, болѣе древняя форма, именно *ран*, видна въ Ст. Сл. *ръпиге*, Чеш. *řepík*, Поль. *гзер*, Вр. *репейникъ*, Мр. *реньяхъ*, чертополохъ; Ст. сл. *ръпина*, яворъ, можетъ значить собственно нѣчто широколистое или вѣтвистое; *въ* здѣсь изъ *а*, какъ и въ сродномъ *ръна* = Лит. гора (*о* въ Лит. всегда длинно), Лат. гара, Греч. *γᾱρῐς* (*).

(*) Какъ нѣм. *Blatter* пузырь на тѣлѣ, оспа, относится къ *Blatt*, листъ, такъ къ словамъ корня *лап* въ значеніи листа — Новг. Тв. *лаптуха*, дѣтская болѣзнь въ родѣ кори или оспы, Яр. *лопуха* вѣроятно оспа и сибѣ большими хлопьями (какъ бы листьями?). Одно последнее значеніе въ Обл. *ляпуха*, мокрый снѣгъ.

Мы видѣли выше сравненіе *широкою* листа съ умомъ (т. е. словомъ). Кажется, значеніе широты не можетъ быть первоначальнымъ въ словахъ корня *лап*. Оно могло легко развиться изъ значенія листа: *широкій* листъ, какъ листъ лопуха, называется *листомъ* по преимуществу (какъ въ словѣ *лопухъ*), представляется какъ чѣмъ то особенно шумящимъ. Впрочемъ возможно, что въ другихъ случаяхъ значеніе широты, распространенія есть основное: Греч. *phyllon*, которое относятъ къ Скр. *phūll*, распускаться (о цвѣтахъ), можетъ значить собственно «нѣчто распускившееся, расширившееся. Какъ бы ни было, къ корню *лап* относимъ рядъ словъ со значеніями одежды, пространства и др. предполагающими, по видимому, значеніе широты. а) *Одежда, ткань*. Вр. обл. *лопотъ*, одежда вообще. Тон — только верхняя, Черм. изущество; *лопотина* вообще платье, потомъ — самое дорогое, шолковый сарафанъ (Арх.), Сиб. *лопатъ*, рабочий, ненарядная одѣжа; Пск. Тв. *лопотъ*, одѣжа въ лохмотьяхъ, *лапикъ* заплатка, *лапоть*, латать, *лепень*, *лпень*, *лепешъ*, *лепетъ*, *леснетъ*, платокъ. б) *Пространство*. Арх. *лапта*, обширная равнина, Ураль. *лопатина*, низменный долъ,

3) **Шумъ и слово** *Лепетать*, Ворон. *лапатать*, о дѣтяхъ: не ясно, не разборчиво говорить, Тв. *лопать*, кричать, Кур. *лапѣть*, шумѣть, кричать разсердившись, Тв. *лопатить*, говорить скоро, Пск. Тв. *лапушить*, бранить, наставлять, давать нотацію. Глубокая древность значенія «говорить» видна изъ Лит. Лат. Скр; Лит. *lėpti*, приказать, велѣть, предполагаетъ значеніе «говорить» которое точно встрѣчаемъ въ сложномъ *at-si-lėpti*, отвѣчать; Лат. *loqui* прямо значить говорить (*q* въ этомъ словѣ сродно съ *n*, какъ и первое *q* въ *quinque*); Скр. *лап*, *лапѣми*, говорить и жаловаться, плакаться. Отъ формы *рап* имѣемъ кромѣ *роптать*, Вр. обл. *рептовать*, Мр. *репетовать*, кричать, Новг. *ропотъ*, Волог. *ропотня*, деревянный колоколь. Значеніе «жаловаться» въ словѣ *роптать* мы видѣли и въ Скр. *лап*. Скр. *рап*, *рапѣми*—говорить и хвалить.

Мы не думаемъ, чтобы такія слова со значеніемъ рѣчи, какъ Лит. *lėpti*, предполагали значеніе листа, чтобы въ нихъ рѣчь была обозначена именно шумомъ листьевъ. Можетъ быть, только одно *лапушить* вмѣстѣ съ формою *лопух* предполагаетъ и единственное извѣстное намъ значеніе этой формы, именно значеніе *листа*. Но важно уже то, что слова со значеніями *листа* и *рѣчи*, хотя не предполагаютъ себя взаимно, а вытекаютъ изъ значенія *шума*, принадлежать къ одному и тому же корню. Это могло быть причиною болѣе тѣснаго сопоставленія *листа* и *слова*, какое мы видѣли выше въ пѣсняхъ.

Другія представленія слова, отчасти сходныя съ вышеприведенными:

а) **Громъ и рѣчь.**

Серб. Какву ъему стару мајку кажу:

Кад говори, громови пуцају,

куда стекаетъ сибгоя вода, Камч. *лопатка*, плоскій мысъ, выдавшійся въ море, Ирк. *лопатки*, песчаная отмель, наносъ. в) *Широкое орудіе. Лопата*, Серб. *лопар*, родъ круглой лопаты, Ряз. *лапта*, Влад. *лопта*, кожа прикрѣпленная къ палкѣ для битья мухъ, Тульс. *лопта*—Мр. праникъ, *лапта*

Кад погледа, муње сијевају,
 А кад оди, сва се земља тресе (Кар. Пјес. 552).
Громъ и **похвальба** сближаются уже въ Скр:
 Nicht prahle ich, wie die wolke im herbeste,
 Auf deren ruf kein regen folgt;
 Ich prahte, wie die wolke im sommer,
 Die unter donner die erde netzt.
 (Kuruinge, Übers. tz. v. Holzmann.)

Ср. Серб. посл. «кад највише грми, најмање кише пада» (Посл. 119.)

Громъ и **ложъ** сравниваются въ слѣд: «Погоди ђевојко, шта се може најдаље чути?» ђевојка одговори:» честити царе, најдаље се може чути *гром* и *лажъ*» (Срп. Приповјет. 134).

Громъ и «**слава** поговорѣ» (выраженіе имѣющее въ Мр. пѣсняхъ преимущественно дурной смыслъ Метл. 15, 32, 34, 54 и 57):

Ой не пійде дрібенъ дощикъ безъ тучи безъ *грому*;
 Ой не пійде дівка заміжъ та безъ *поговору*.
 Настучитця—нагрючитця, дрібенъ дощикъ пійде;
 Набрешутця вражі люде, дівка заміжъ пійде.

б) **Звонъ** и **рѣчь**:
 Котилася, разбилася ципова тарілка;
 А въ нашего пригіншого (*) дзиндзіверъ, не дівка:
 Ой якъ вона *заговорить*, якъ у *дзвони дзвонить*,
 Ой якъ вона засміетця въ Полтаві слинетця.

Въ Серб. загадкахъ звонокъ (звоно) загадывается такимъ образомъ: «гором иде—гору разговора, водомъ иде—воду разговора» (Јліć 227), т. е. развеселяетъ, развлекаетъ своею рѣчью; «клембер (вымышленное названіе колокольчика) бије, клембер зја, клембер каже: нексезна, тко сам ја» (ib. 228).

игра въ мячъ, Серб. *лопта*, самый мячъ. Эти послѣд. значенія предполагаютъ предшествующія. г) *Плоскій хлѣбъ. Лепешка*, Вр. *лапуны*, лепешки, блины, Серб. *лепина*, *лепина* узкій и длинный хлѣбъ.

(*) Прич. прош. дѣйств.—пригнавшего (на работу), хозяина. *Дзіндзіверъ*, довольно высокое и стройное садовое растеніе съ лиловымъ цвѣткомъ.

Свирѣль, какъ и струна—«говорить,» а рѣчь признакъ ума; потому *звонъ* свирѣли—*умъ*:

Звонко деревцо свирѣльное,
Звончей его во лѣсу нѣтъ;
Умное дитятко Машенька,
Разумное дитятко Ефимовна,
Умнѣй ее во роду нѣтъ (Сах. Сказ. Р. II. 107.).

Звонъ—пересуды, слава. О сплетникахъ говорятъ: «нехай звонюць, покуль охоту згонюць» (Пам. и обр. нар. Поэз. 50). На Вр. свадьбѣ, когда женихъ дарить невесту, или наоборотъ, поютъ:

По городу звоны пошли,

По терему дары понесли,

т. е. дары такъ богаты, что объ нихъ будутъ говорить. (Сах. Ск. Р. Нар. III, 155. Оч. Ю. Сиб. Гуляева, 13). Серб. пословица «не вальа своје звоно на туѣг овна везати»—не вальа своје *име* или своју *славу* другомуе давати; «свега села овце, а кнежево (попово) звонце», т. е. слава дѣлѣ всей общины приписывается кнезу или попу (Срп. посл. 195, 279). Въ Сл. о Полку: «звенить слава въ Киевѣ»; «тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сбѣаше. Ступаетъ въ златъ стремяне въ градѣ Тмутороканѣ, то-же *звонъ* слыша давний великий Ярославъ, (а) сынъ Всеволожъ Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ», т. е. не шумъ вообще, какъ полагаетъ г. Буслаевъ, а слухъ, слава объ этомъ доходила даже до давно умершаго Ярослава Владиміровича (*). Слава подвиговъ обозначается звономъ и въ Мр. пѣснѣ:

По тимъ боці лѣсь рубають,
А на сей бікъ тріски летять; (**)

(*) Конечно шумъ вообще и звонъ въ частности имѣютъ одинаковое символическое значеніе: «что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь плѣкы заворачаетъ». Что значитъ: (Всеславъ) «отвори врата Нову-граду, *расшибъ славу* Ярославу?» Можетъ быть то, что Всеславъ колокола у Св. Софьи снялъ? (Солов. II, 13).

(**) Ср. загадку о *почтѣ* (т. е. о вѣстяхъ): «въ городахъ дрова рубятъ, а въ деревню щепки летять» (Сах. Ск. рус. нар. 2, 97).

Козаченьки въ Волощині
 Госпадарити хотять.
 По тѣмъ боці огонь горить
 А на сей бікъ луна йде;
 Панъ отаманъ що Серпяга
 Въ Волощину сѣть веде.
 По тѣмъ біці дзвони дзвонять,
 А на сей бікъ гомінь йде;
 Панъ отаманъ що Серпяга
 Въ Волощину иде (Костом. у Мордов. 183).

Ср. еще: «Та не куй, Юрку, золотого ножика,
 Та підкуй, Юрку, вороного коника;
 Та будемо їхать боромъ зеленимъ,
 Боромъ зеленимъ, мостомъ комьянимъ,
 Боръ буде шуміти, а камень звеніти,
 Та зачують люде, намъ слава буде» (М. 181).

На сближеніи звона и рѣчи основана общая Славянскимъ, Германскимъ и Романскимъ племенамъ примѣта, что если звенить въ ухѣ, то говорятъ объ насѣ, если въ правомъ—друзья, если въ лѣвомъ враги (Wolf, Beitr. zur D. Myth. I, gebräuche u. abergl. N 172—3). Отсюда прямой переходъ къ причинной связи звона и рѣчи, т. е. можно умышленно произвести звонъ въ ухѣ отсутствующаго, заговоривши объ немъ. Слухи, сплетни (какъ звонъ)—суть симпатическое средство сдѣлать колоколъ звучащимъ: «такий то, кажутъ, бувъ той Засоринъ (разбойникъ).. Якъ уже перестали объ ѣму чутки ходитъ, кажутъ було люде, що его й не було ніколи, що то певно десь дзвінъ великий лили, и пустили таку поголоску, щобъ голоснійшій бувъ» (Хата, 191).

б) **Лай** и **рѣчь**. Какъ всякая тварь, такъ и собака говоритъ языкомъ, который при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть понятенъ человѣку. Отсюда сближеніе въ языкъ собачьяго лая и рѣчи въ дурномъ ея значеніи, брани, лжи.

Поль. *szczekać*, лаять, Серб. *штектати*, лаять отрывисто, предполагаютъ значеніе болѣе общее, судя по тому, что въ Сл. о Полку Иг. *щекотъ*, пѣнье соловья.

Съ этимъ ср. Луж. *'scokas*, бранить, ругать (*ne 'sokaj*, *moterka*, не брани, мать, Haupt, Smol. II, 25), Вр. обл. *щекатить*, дерзко браниться, ссориться, *щекатый* = Поль. *vyszczekany*, сварливый, бойкій на словахъ, что соглас-но съ Серб. посл. «не би га надлајало деветеро паса», не перелаеъ его и девять собакъ (Срн. посл. 196). Съ кор. *щек* ср. Скр. *ѡач*, говорить, внятно говорить. (*)

Скр. *раи*, рај-ати (или вѣриѣ ра, ра-јати, Ворг, Vergl. Gr. I, 209) и Вр. *лаять* значатъ не только *latrare*, но и бранить; въ Мр. и Поль. — только бранить; такъ и Лат. *latrare*, *convicia* *jacere*.

Брежать, которое съ давнихъ поръ значило *лаять* («лисици брешуть», Сл. о Пл.), въ Мр. зн. и врать, а въ Чеш. *brechovati* оуждать. Это *брежать* можетъ быть срод-но съ *врать* (собств. говорить) и съ Скр. *бру*, тоже. Не-сомнѣнно относятся къ кор. *бру* Обл. Вр. *бру-с-нутъ*, врать, *брусня*, враль, *брусить*, говорить вздоръ и бредить, *бруснѣться*, казаться во снѣ, сниться. Сонъ есть ложь (Серб. «сан је лажа, а бог је истина» Поль. «sen maга, ran bôg wiara») и, какъ ложь, сближается съ собачьимъ

(*, Звукъ *ч* предполагаетъ *к*; скр. *ѡ* = между прочимъ Слав. *ск*, сродно-му съ *щ* (*ѡаѡ* = скакать) и самому *щ*: ср. *шурѣ* въ *пра-шурѣ* и Скр. *ѡу-ра heros*; Слав. щebetъ и скр. *ѡап*, имѣвшее, по Боппу, нѣкогда значеніе говорить (Ср. *ѡаб* — да, звукъ), но сохранившее только зн. ру-гать, проклинать, клясться.

Къ этому кор. *ѡап* можно бы отнести слова *соб-ака* и *коб-ель* (Скр. *ѡ* = Слав. *с* и *к*), которыя въ такомъ разѣ значили бы: ругающій или лающій (ср. название собаки въ Мр. загадкѣ Семент. № 269, 270: *лепетя, ле-пета*, собств. говорящая). Это производство, не встрѣчающее препятствій со-стороны звуковой, будетъ устранено, если докажется, что упомянутыя слова сродны съ *кобецъ*, *кобыла*, въ коихъ трудно найти значеніе корня *ѡап*. Боппъ (Glos. Sanscr. и Vergl. Gr. I, 40, 2-е изд.) думаетъ, что *собака* — изъ *сбака* / нечлвротное сочетаніе *сба*/, а это изъ предполагаемаго Скр. *ѡи* *а* *ка*, сроднаго съ действительнымъ скр. *ѡи* *а* *на*, собака. Онъ основываетъ форму *сва* *ка* на сохраненномъ у Геродота мидійскомъ *снака*, собака. На этомъ последнемъ и на Зенд. *ѡпа* (Скр. именит. ед. ч. *ѡвâ*), въ коихъ *и* изъ *с*, основана догадка, что и слав. *б* изъ *с*. Но съ какой стати столь обычное въ Слав. яз. и удобное сочетаніе *св* перейдетъ въ *сб*, котораго и выговорить нельзя, если послѣ *с* нѣтъ остатка *б*, какъ напр. въ *с-бавить*?

лаемъ: Серб. «не вјеруј сну, колико ни псу», потому что сонъ вретъ какъ собака.

Какъ въ Обл. Вр. *облай*, кто лается, ругается, сварливый человѣкъ, сравненъ съ собакою, такъ въ собачьей кличкѣ *обругай*, лай названъ словомъ приуроченнымъ къ человѣческой брани. Собака представляется ругателемъ и въ извѣстной пословицѣ: «wolno psu i na rana boga szczekać», т. е. ругать и Бога; «што нас на звјезде лаје, то Богъ не слуша». Та же мысль въ Обл. *собацливый*, склонный къ брани, наглый, дерзкій (но другая = въ Чен. *psauti, psovati*, Серб. *псовати*, Рус. *собачить*, бранить, т. е. называть собакою).

Сближеніе лая и лжи, которое мы видѣли въ словѣ *блехать*, встрѣчается и во многихъ пословицахъ и т. п. «врешь, какъ собака, какъ сукинъ сынъ», «собака бле-ше, вітеръ несе», «pies szczeka, wiatr niesie», «што нас лаје вјетар носи»; ср. Серб. «тешко вуку за киме не лају, и јунаку за ким не говоре»; «не вјеруј куме па-сјим устима» говорила кума куму, который на приглаше-ніе бѣть отвѣчалъ, что онъ сытъ; Поль. выраженіе «od- szczekać nieprawdę», говорить, относится къ прежнему обы- чаю заставлять уличенныхъ въ клеветѣ лѣзть подъ столъ и лаять тамъ по-собъ чьи, въ знакъ того, что они и прежде врани какъ собаки.

